

ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВЫЕ ПАМЯТНИКИ НА ПОЛЯНЕ МАЦУТА ДИГОРСКОГО УЩЕЛЬЯ

Г. Н. Вольная (Керцева)

Материальная культура позднего средневековья Дигорского ущелья Северной Осетии недостаточно хорошо изучена по сравнению с другими периодами. В статье впервые представлен комплекс археологических памятников, расположенных на Поляне Мацута Дигорского ущелья: памятники, их расположение, история изучения. Цель исследования – рассмотреть Поляну Мацута как погребальный и культовый комплекс, где находятся позднесредневековые полуподземные склепы, каменные ящики, менгиры, цырты, «нартовский» ныхас, поселения кобанского и аланского периодов. Это памятники являются почитаемыми у местного населения, упоминаются в нартовском эпосе. В статье использовались полевые методы исследования, метод анализа и аналогий.

В статье представлен авторский материал спасательных раскопок 2020 г. «Грунтового могильника Мацута I, средневековье» XVI-XVIII вв. в зоне реализации проекта «Строительство фельдшерско-акушерского пункта в с. Мацута». Могильник представляет собой погребения в каменных ящиках. Всего было раскопано 75 ящиков, в которых покойные лежали вытянуто на спине головой на запад с широкими отклонениями. Некоторые ранние погребения сопровождаются обрядом кремации. Погребальный обряд находит аналогии в горной Балкарии. Для погребального обряда характерно отсутствие керамической посуды в погребениях.

Над ранними погребениями могильника была устроена тризна с кремацией и большим количеством фрагментированной керамики, скорее всего местного производства. Погребальный инвентарь достаточно беден и характерен для горнокавказской культуры позднего средневековья. Во взрослых погребениях найдены одежда, обувь, пояса, головные уборы, пояса; в женских – украшения; в мужских – ножи, оселки. В детских погребениях (в большинстве случаев) слева от головы обнаружены только куриные яйца, либо погребальный инвентарь совсем отсутствует. Отмечается высокая детская смертность. Детские погребения составляют почти 50% от всего числа раскопанных погребений.

Ключевые слова: Дигорское ущелье, позднее средневековье, памятники.

Поляна Мацута (осет. Мæцутæ) с небольшим поселком расположена в Дигорском ущелье Ирафского района на юго-западе Республики Северная Осетия-Алания, на юго-восточном склоне горы

Бачаит. На запад от с. Мацута уходит Стур-Дигорское ущелье, на юг – Махчесское и его продолжение – Уаллагкомское ущелье. С восточной стороны Поляна Мацута ограничена р. Айгамугидон (Агаймуги), с запада – р. Урух (Ираф), с севера – их слиянием, с юга – отрогом горы. Она расположена на юге Задалесской долины. Размеры Поляны Мацута – 225 м с северо-востока на юго-запад и 120 м с северо-запада на юго-восток. Здесь сосредоточены средневековые памятники историко-культурного наследия и традиционного природопользования: земледельческие террасы, ирригационные сооружения, подпорные стены и др. объекты хозяйственной деятельности.

На северо-западной окраине с. Мацута находится могильник из средневековых каменных ящиков, грунтовых могил и склепов, оставленный населением окрестных селений горной Дигории (с. Нар и др.). Его размеры с северо-востока на юго-запад – 180 м, с северо-запада на юго-восток – 70 м. Он расположен между дорогой Дунта-Чикола и р. Ираф. Могильник в с. Мацута.

На территории могильника также встречаются погребения XIX-XX вв. В настоящее время на Поляне Мацута сохранились выявленные объекты культурного наследия «Поселение, содержащее материалы кобанского и аланского времени», «Полуподземные склепы», «Грунтовый могильник Мацута I, средневековье», погребения XIX-XX вв. Некоторые погребения отмечены цыртами – каменными стелами из песчаника в человеческий рост или чуть выше с вырезанным по камню изображением и надписями. На некоторых цыртах сохранились следы краски [1, 174-185].

Одним из первых исследователей археологических памятников Поляны Мацута стал Вс. Ф. Миллер, который во время путешествия по горной Дигории 4 августа 1880 г. по пути из Галиата в Стур-Дигору осмотрел памятники на поляне Мацута, расположенной ниже с. Нар: «...Налево виднеется древняя усыпальница, приделанная к горе. Предание называет ее гробницей нарта Сослана (Сосланы инган), которому приписывают ряд чудных походов» [2, 83]. Далее Вс. Ф. Миллер приводит легенду нартовского эпоса, где описывается смерть нарта Сослана от чудесного колеса Ойнон, там же

упоминается место расположения его могилы между двух рек и обряды, связанные с ее почитанием: «... около гробницы в поле режут баранов и просят Сослана о хорошей погоде» [2, 83-84].

Действительно склеп, расположенный на южной окраине с. Мацута между реками Урух (Ираф) и Айгомугидон, у местного населения получил название «склеп Нарта Сослана» («Нарти Сослани обай»). Он датируется XIV-XVI вв. Этот склеп до сих пор почитается местными жителями и считается не просто погребением, а святилищем-дзуаром [2, 82-83; 3, 208-209].

Вс. Ф. Миллер описал и другие археологические объекты Поляны Мацута: погребальное поле с наземными и полуподземными склепами, грунтовым могильником, стелами-менгирами, памятными и надмогильными стелами-цыртами, особо почитаемые достопримечательности: «Нарти ныхас», «Нарти Сослан Обай» (Склеп нарта Сослана), «Кресло Сослана» (перемещено в с. Нар). В окрестностях «склепа Сослана» на участке, образуемом изгибом реки, исследователь описал Нарты-ныхас – овальную площадку размерами 10x40 м, обложенную по краям камнями. Это место, где по преданию и мнению местных жителей собирались «нарты на зов предводителей – Сослана, Батраза, Урызмага, предпринимая какую-нибудь отважную работу» [3, 210; 4, 445].

На юго-западной окраине с. Мацута, на краю могильника их грунтовых ящиков стоят врытые в землю два менгира из серого песчаника. Их поверхность покрыта мхом и лишайником. Высота камней одного – 3,1 м и двух других около 2,40 м. Ширина первого камня в основании – 0,60 м и толщина – 0,7 м, другого – 0,90 на 0,40 м. Между ними находятся аналогичные менгиры, которые, вероятно, ранее также стояли вертикально, а теперь упали. Местные жители называют их «столбами Сослана». Отправляясь в путь, жители Дигорского ущелья (сс. Нар, Махческ, Стур-Дигора) останавливались и молились перед дорогой у «столбов Сослана» [3, 209].

Поляна Мацута некогда была местом общественного ныхаса (собрания) тапандигорцев и местом захоронения. Селение на этом месте было образовано в 1930-е гг., а до этого времени здесь располагался только склеповый и грунтовой могильник [5, 429].

В 1880-1882 г. поляна Мацута осматривалась археологом В. А. Тимофеевым. В 1891 г. В.И. Долбежев продолжил исследования могильника у сел. Нар в Дигории [6, 15].

В окрестностях Мацуты, проводя археологические разведки, Г.А. Кокиев (1928) описал и обмерил склепы [7, 24-29]. Позже, в 1945 г., на Поляне Мацута экспедиция Музея краеведения СОАССР под руководством Г.В. Бицаева провела археологические разведки, в ходе которых склепы и менгиры Мацуты были измерены и зарисованы архитектором-художником В. Лакисовым [8].

Археологические раскопки в Дигорском ущелье также проводила экспедиция под руководством Е.И. Крупнова сначала в 1940 г. [9, 101], а затем в 1951 г. Касаясь древних памятников Дигории, Е.И. Крупнов писал: «Еще больший интерес и значение для местной истории имеет группа памятников, распространенная не только в предгорной зоне, но и тяготеющая к горным перевалам» [10, 72]. Именно такими памятниками являются склепы и погребения в каменных ящиках на Поляне Мацута. Они находятся в непосредственной близости к перевалам, ведущим в Балкарию и Грузию.

В 1978-1979 гг. Поляна Мацута исследовалась В.Х. Тменовым (1984) [11, 240-242], который описал пять полуподземных склепов и цырт (каменную стелу) и предполагал, что в их окрестностях возможен могильник.

Экспедицией ГИМ во главе с А.П. Мошинским в 1982 г. здесь было выявлено поселение с переотложенным слоем, к востоку от селения был выявлен средневековый могильник [12, 11].

«Грунтовый могильник Мацута I, средневековье» с каменными ящиками был обнаружен на юго-западной окраине с. Мацута в ходе мониторинга ГБУ «Наследие Алании». Он был поставлен на учет в 2018 г. по заявлению директора ГБУ «Наследие Алании» Л.Р. Габоевой. Часть каменных ящиков на этом участке обнажилась, что позволило определить их тип и отнести их к эпохе средневековья.

В 2019 г. М.Ч. Чшиева и Х.Т. Чшиев провели археологические разведки в с. Мацута для уточнения границ могильника, в связи с проведением газопровода в это село.

К сожалению, объект культурного наследия «Грунтовый могиль-

ник Мацута I, средневековье» был частично поврежден траншеями для опалубки при строительстве фундамента фельдшерско-акушерского пункта (ФАП). Были разрушены погребения по периметру фундамента. Во время осмотра выявленного объекта культурного наследия сотрудниками Комитета по охране и использованию объектов культурного наследия Республики Северная Осетия-Алания (Комнаследие РСО-А) было обнаружено 7 поврежденных каменных ящиков в разных частях будущего фундамента, о чем был составлен акт № 25/19в от 17 декабря 2019 г. В декабре 2019 г. Комнаследие запретило дальнейшее строительство. В мае 2020 г. Министерство строительства и архитектуры РСО-Алания обратилось к ГБУ «Наследие Алании» с просьбой провести археологические спасательные работы на месте строительства ФАП в Мацуте. В июне 2020 г. на территории с. Мацута (Поляна Мацута) в ходе спасательных археологических работ была раскопана часть позднесредневекового грунтового могильника в каменных ящиках.

Археологические работы были проведены внутри периметра строящегося здания. Объем работ составил 280 кв.

«Грунтовый могильник Мацута I, средневековье» расположен на юго-западной окраине с. Мацута рядом со зданием местной администрации и амбулаторией (медпунктом) на высоте 1130 м над уровнем моря.

В процессе осмотра территории памятника, попадающего в зону строительства, были обнаружены многочисленные фрагменты керамики. На поверхности также находились разрушенные плиты от погребений.

В результате археологических раскопок было выявлено, что некоторые каменные ящики, находящиеся внутри периметра, также были частично разрушены строительной техникой в ходе строительных работ.

В зоне реализации проекта «Строительство фельдшерско-акушерского пункта в с. Мацута» было исследовано 75 погребений в каменных ящиках «Грунтового могильника Мацута I, средневековье».

Большинство погребальных сооружений могильника представляло собой каменный ящик из грубо обколотых сланцевых плит.

Небольшие валуны диаметром 8-10 см подпирали вертикальные плиты ящиков. Первоначально для установки плит была вырыта прямоугольная в плане яма, в длинных и торцевых стенах которой были установлены и закреплены вертикально сланцевые плиты. После чего погребенный был помещен в могилу. Размеры каменного ящика зависели от роста погребенного. Поверх вертикально установленных в яме плит были уложены сланцевые плиты перекрытия, отверстия и стыки между которыми были заложены более мелкими камнями. Все плиты, как вертикальные, так и плиты перекрытия, установлены очень тщательно. Перепады по высоте при nivelировании погребений – 1-2 см. Дно погребений – ровное. Продольная ось погребений проходит по линии запад-восток и имеет небольшие отклонения. Умершие погребены вытянуто на спине, головой на запад, с отклонениями на юго-запад и северо-запад. Видимо, покойников хоронили, ориентируя их голову на солнце во время заката, и вариации отклонений положения головы связаны с сезонным расположением солнца. Руки покойных, как правило, лежат параллельно туловищу, иногда сложены в области паха. Поверх вертикально установленных в яме плит из сланца были уложены сланцевые плиты перекрытия. Нижний край вертикально установленных плит утоплен в пол ямы на 3-6 см. Некоторые погребенные уложены на войлочную кошму или деревянные плахи.

Погребения юго-западной окраины могильника, которая ограничена грунтовой дорогой, являются более ранними. Об этом свидетельствует отсутствие покровных плит на погребениях, которые использовали для более поздних могил. А также устроенное сверху ранних могил пепелище и тризна, состоящая из многочисленных фрагментов керамики серого цвета.

В каменных ящиках могильника в Мацуте не встречена гончарная керамика, зато ее было очень много в западной части могильника на площадке размерами 12x11 м, где под ней были обнаружены следы горения (угли и пепел). В ряде случаев в погребениях №1, 46, 50, 52, 64 также встречаются следы горения, в некоторых частично обожжены кости. Все эти погребения взрослых. В основном погребения относятся к юго-западной части могильника. Наличие куль-

турного слоя в виде многочисленных фрагментов керамики и слоя из углей и золы над погребениями позволяет говорить о поминальных культах, проводимых на кладбище в определенном месте над погребениями. Здесь была обнаружена серая гончарная керамика. Среди керамики можно выделить следующие типы сосудов: сосуды чайники и кувшины с орнаментом. Керамика со следами продольного поперечного и сетчатого лощения, с циркульным орнаментом, часто встречаются выделенные ребра. Однотипной керамики настолько много, что складывается впечатление, что неподалеку работала гончарная мастерская и печь для обжига керамики. Встречаются фрагменты как кухонной, так и столовой керамики, толщина стенки от 0,9 до 1,8 см.

Почти во всех погребениях посуда отсутствует, лишь в погр. №63 обнаружен деревянный кубок токарной работы.

В большинстве взрослых погребений «Грунтового могильника Мацута I, средневековье» был обнаружен погребальный инвентарь. Среди предметов, обнаруженных в позднесредневековом могильнике найдены железные ножи, топоры, кресала; каменные оселки; бронзовые и железные пряжки, колечки, привески, накладки; бронзовые, серебряные, золотые пуговицы и матерчатые пуговицы; кожаные пояса, ремни, сапоги, полусапожки, чуваки; остатки тканей; деревянные гребни; стеклянное зеркало с серебряной амальгамой в деревянном чехле; бронзовые и серебряные перстни; каменные и стеклянные бусы; украшения из металлизированной нити; бронзовые нагрудные привески, раковины каури. В погребениях детей в большинстве случаев погребальный инвентарь отсутствовал, либо слева от головы находилась скорлупа яйца.

Уже к XV в. на территории Северной Осетии сложились основные осетинские общества, в частности в Дигорском ущелье – дигорское, которое расселилось по бассейну р. Ираф (Урух). Здесь постоянно проживало население с конца II тыс. до н.э., о чем свидетельствуют многочисленные памятники кобанской культуры, их потомков в сарматский период. Первая волна алан-мигрантов проникает в Дигорское ущелье в V-IX вв., а в XII-XIV вв. сюда переселяются аланы, бежавшие от монголов, а затем и Тимура, с равнин

Северного Кавказа. В XV в. территория, занимаемая осетинами-дигорцами, включала в себя кроме Дигорского ущелья приграничные районы высокогорной Балкарии. Это население оставило после себя многочисленные могильники, одним из которых является «Грунтовый могильник Мацута I, средневековье» XVI-XVIII вв. Захоронения скорченно на боку в каменных ящиках получили широкое распространение еще в кобанское время. Однако в средние века каменные ящики стали вытянутыми по длинной оси, а погребенных стали хоронить лежа и вытянуто на спине. Позднесредневековые каменные ящики встречаются на территории даргавского «горда мертвых», а также у сс. Какадур, Джимара, Дзивгис, Махческ (раскопки Н. И. Гиджрати). Погребальный инвентарь в них схож с находками из каменных ящиков в с. Мацута. Они содержат по одному костяку и весьма скудный инвентарь (фрагменты керамики, серебряные серьги и железные ножи, кресала, стеклянные бусы, истлевшая одежда) [13, 306]. Аналогичный погребальный обряд и инвентарь был обнаружен в погребениях из деревянных колод, скрепленных железными скобами (раскопки 1969 г.), и каменных ящиков (раскопки 1970 г.) могильника №2 у с. Карт-Джурт. Ориентация костяков вытянутых на спине – головой на запад. В погребениях фиксируется обряд кремации (древесный уголь, зола). Погребальный инвентарь мужских погребений – железные ножи, кинжалы; женских – медные наперстки, железные портняжные ножницы, бронзовые и железные пряжки и кольца, бронзовые, серебряные, золотые серьги и височные подвески, бронзовые и серебряные орнаментированные поясные пластинки, бронзовые пуговицы-бубенчики и пуговицы-застежки из металлизированной нити [13, 81]. Х. Х. Биджиев, вслед за Е. П. Алексеевой, датирует этот могильник XV-XVIII вв., с допуском, что здесь могут быть и погребения XIV в. [13, 81; 14, 127-128; 15, 131-132]. В горной Балкарии известен еще один Ташлы-Талинский могильник с аналогичным погребальным обрядом и инвентарем, датируемый в рамках от XIV-XVI вв. до первой половины XVIII в. И. М. Мизиев отмечает, что такие предметы имели довольно широкий ареал распространения во времени и пространстве с VIII по XVIII в. В частности, в двух погребениях были

найденны стеклянные зеркальца [16, 69]. Ташлы-Талинский могильник с его каменными ящиками, надземными признаками, вместе с индивидуальными погребениями очень близок ко второй части могильника Курная. Подобные вещи хорошо известны из могильников Байрым, Коспарты, могильника у северозеленчукского храма, суммарно датирующихся XIV-XVI вв. Более позднюю рамку являют собой погребения Ташлы-Талинского могильника вместе с турецкими монетами первой половины XVIII в. [16, 51]. Каменные ящики с подобным погребальным инвентарем обнаружены у сс. Автуры, Асланбек-Шерипово в Чечне [17, 105-111].

«Грунтовый могильник Мацута I, средневековье» аналогичен по многим показателям могильникам Баркарии и Чечни. Это схожие одиночные захоронения в каменных ящиках с ориентировкой погребенных головой на запад, на юго-запад, следы кремации. Все погребенные лежали на спине в вытянутом положении, наблюдаются различия в положении рук: в одних случаях руки слегка были согнуты в локтях и кисти их лежали на тазовых костях, в других погребениях одна рука погребенного вытянута, другая согнута в локте, а кисть ее положена на таз. Здесь найден аналогичный мацутинскому погребальный инвентарь: самшитовые гребни, серьги в виде знака вопроса, пуговицы-бубенцы.

Большинство из этих грунтовых могильников с каменными ящиками соседствовало со склепами. В. Х. Тменов считает, что «поскольку каменные ящики зачастую сопутствуют склеповым сооружениям, то в этом можно видеть отражение социальной дифференциации горского общества. Так, по всей вероятности, башенные склепы принадлежали в большинстве случаев богатым «сильным» фамилиям, а полуподземные фарсаглагам (лицам, не имеющим наследственного права на землю (В. Г.))» [18, 307].

Материалом, датирующим верхнюю планку датировки, можно считать находку зеркала из погр.9 «Грунтового могильника Мацута I, средневековье». Это круглое зеркало фабричной работы из тонкого стекла, слегка выпуклое, покрытое амальгамой в деревянной оправе ярко оранжевого цвета. Такое зеркало найдено в Даргавсе в 1928 г. Л. П. Семеновым. Известны такие зеркала и в Ингушетии,

в поздних могильниках Балкарии. В. Х. Тменов стеклянные зеркала в деревянной оправе из склепов датирует 2-ой половиной XVIII – началом XIX в. Рядом в погр. 5 был обнаружен деревянный (самшитовый) гребень, который датируется тем же временем [18, 20, 330, 322].

В погр. 43, 9 и 14 исследованного могильника в Мацуте были найдены соответственно бронзовые, серебряные и золотые серьги в виде стержня с нанизанным на него шаровидным туловом, с круглой дужкой. Снизу и сверху тулова напаяна зернь в виде «виноградной грозди», в ряде случаев зернь встречается на дужке. Аналогичные бронзовые и серебряные серьги известны из каменных ящиков и склепов с. Дзивгис, из склепа XV-XVI вв. близ с. Ахсау [7, рис. 21, 42, 2], [13, рис. 27, 24; 28, 3, 6, 8, 9; 18, 1-3], из каменных ящиков Автуринского могильника конца XIV – первого десятилетия XVII в. и склепов XIV-XVII вв. в сс. Салги и Хамхи в Ингушетии [17, рис.1,4]. По мнению Е. И. Крупнова, «такой тип серег ведет свое происхождение со времени заката кобанской культуры»..., также «они сохраняют черты типа серег и подвесок, типичных еще для культуры алано-хазарского времени VI-X вв.» [19, 104-105, рис. 33, 5, 7, 9, 12].

В погр.9 найдены серебряные височные подвески в виде «знака вопроса», представляющие собой несомкнутый в кольцо проволочный прут с вертикальным стержнем внизу. На стержень в нижней части нанизана одна жемчужина и две круглые бронзовые бусины. Серьги такого типа встречаются у карачаевцев и балкарцев. Они могут быть массивными высотой 5-7 см. Такие серьги были распространены как на Северном Кавказе, так и в прилегающих областях начиная с VII по XVI в. [16, 65; 20, 167-172].

В качестве украшений и одновременно амулетов-подвесок в погр.8, 22,72 обнаружены раковины-каури.

Помимо серег, в погребениях встречаются бронзовые и серебряные перстни с металлическими щитками. Из погр.13 происходит бронзовая шумящая подвеска с цепочками. В погребениях встречены шумящие пуговицы-бубенцы. Такие шумящие металлические подвески довольно часто пришивались к нагрудному разрезу женского платья. Куски металла, так называемые “гремушки”, были обе-

регами, как известно, у многих древних племен [21, 122], а также и в период позднего средневековья.

В некоторых мужских и женских погребениях встречаются сапоги-ичиги, доходящие до колен и выше. В погр.28 были обнаружены кожаные сапоги, орнаментированные фигурными вставками и украшенные нитяной расшивкой. Аналогичные сапоги обнаружены в наскальных склепах у с. Дзивгис [18, 31]. На этих сапогах вышит узор в виде рогов. Аналогичный орнамент на кожаном кошельке, «Роговидный узор», популярен в этнической культуре тюрок на широких пространствах Евразии [22, 95], в том числе в вышивке и аппликации по коже. На территории древнего Казанского ханства во 2-ой половине XV – 1-ой половине XVI в. развиваются специфические формы мягкой обуви, как этнографическая черта культуры татар Среднего Поволжья, – это мягкие сапоги ичиги (ичетыги), башмаки, туфли и галоши. В ичигах, вероятно, использовали специальный тачной шов, выполняемый цветными нитями или металлической проволокой, выполнявшими также и декоративную функцию [22, 94-97]. Аналогичные кожаные сапоги XV-XVI вв. известны из крепости посада Казани, Ивангорода, Переяславля-Залесского, а также пара татарских сапог 1582 г. из музея Ливрусткаммарен в Стокгольме [22, 94-97, рис. 6, 7, 8, 16]. В эпоху колонизации и присоединения Казанского, Астраханского, Крымского, Сибирского ханств, а также народов Средней Азии и Кавказа такие изделия попадают и на территорию Северной Осетии. По мнению В.Х. Тменова, зажиточные осетины носили сапоги, сшитые на заказ у русских мастеров или приобретенные на рынке [18, 323].

В погр.9, 20, 34 «Грунтового могильника Мацута I, средневековье» встречаются традиционные для Северного Кавказа длинные, иногда выше колен, ноговицы, сшитые из тонкой кожи в виде чулка. В области коленей в таких погребениях встречаются узкие ремешки с пряжками, которые использовали для закрепления обуви под коленом ремешком. Верхняя часть ичигов от коленей поднималась раструбом, придавая ноге своеобразный силуэт. Такую обувь, как правило, носили всадники. Их натягивали на босую ногу влажными. После высыхания они плотно сидели на ноге, повторяя ее форму

[21, 120]. В погребении №28 обнаружена кожаная обувь до щиколоток, вырезанная из цельного куска кожи. В некоторых погребениях встречаются фрагменты кожи в области коленей, голени, которые, вероятно, были вставками в обувь из ткани или войлока. Также в погр.№ 8 встречаются чупяки, скроенные из одного куска кожи.

В погр.54 сохранилась одежда, доходящая до середины бедра и длинные кожаные ичиги до середины бедра. В.Х. Тменов отмечал, что черкеска в XVIII – начале XIX в. была короткой до колен [18, 13, 324].

Некоторые элементы костюма могильника из Мацуты выполнены из металлизированных нитей. В погр.7 «Грунтового могильника Мацута I, средневековье» найден головной убор, к которому прикреплена металлизированная тесьма с орнаментом из спиралевидных элементов. Основа не сохранилась, но известно, что на Северном Кавказе традиционно делали из войлока. Затем на эту основу нашивали вплотную металлические пластинки. Позже они заменяются узорными галунами, вытканными из золотых и серебряных нитей более дешевыми, но не менее красивыми [21, 8]. В погр. 5 найдены плетеные из металлизированных нитей пуговицы. Золотые и серебряные нити привозились на Северный Кавказ из Крыма или Турции [23, 227].

Также в погребении №15 обнаружена красновато-охристая хлопчатобумажная ткань, а в погр.54 – шерстяная ткань темно-красного цвета. Для получения красных оттенков отваривались корни марены или барабариса.

Погребения в каменных ящиках «Грунтового могильника Мацута I, средневековье» представляют собой могилы рядового населения Дигорского ущелья, расположенные достаточно тесно, что связано с дефицитом земли в горных условиях. Погребальный обряд в ряде случаев сочетает трупоположение и кремацию. Погребальный инвентарь и погребальный обряд позволяют датировать изученную часть выявленного объекта культурного наследия «Грунтовой могильник Мацута I, средневековье» XV-XVII вв. и отнести к горнокавказской археологической культуре, которая была широко распространена в горной зоне Северного Кавказа в позднем сред-

невековье. Наиболее ранние погребения находятся на юго-западе могильника. В раскопанной части могильника отсутствуют погребения мужчин-воинов с предметами вооружения. Половина раскопанных погребений представляют собой могилы детей, что свидетельствует о высокой детской смертности. Погребальный инвентарь свидетельствует о производстве войлока и кожевенном производстве. Множественное скопление керамики на площадках с углями и пеплом говорит о ее местном гончарном производстве. В то же время близость расположения Мацуты к перевальным путям в Грузию и Балкарию может свидетельствовать о контактах с этими территориями. С середины XVI в. усиливается процесс укрепления и развития всесторонних связей с Россией.

Исходя из хорошо датируемых аналогичных погребений в горной Балкарии, нижнюю границу датировки можно определить XVI в. Верхняя граница датировки раскопанной части «Грунтового могильника Мацута I, средневековье» определяется по стеклянному зеркалу и самшитовому гребню как 2-ая половина XVIII – начало XIX в.

Археологический комплекс на территории Поляны Мацута – уникальный памятник, существовавший на протяжении нескольких столетий, представляющий несколько типов погребальных памятников и свидетельствующий о контактах местного населения с Балкарией, Ингушетией, Чечней и другими территориями.

---

1. Вольная Г.Н. Антропоморфные стелы Северного Кавказа позднего средневековья – нового времени в контексте археологии // Известия научно-педагогической Кавказоведческой Школы В.Б. Виноградова. Вып.10. Армавир; Ставрополь: Дизайн-студия Б, 2018. С. 174-185.

2. Миллер Вс.Ф. *В горах Осетии* // Русская Мысль. 1881. № IX. С. 55-105.

3. Вольная Г.Н. Отражение сюжетов нартовского эпоса в почитании объектов природного и культурного наследия Северной Ос-

тии. Нартоведение в XXI веке: современные парадигмы и интерпретации. Вып. V. Владикавказ: СОИГСИ ВНЦ РАН, 2019. С. 203-212.

4. Миллер В. Ф. Осетинские этюды. Ученые записки императорского Московского университета. М., 1881. Репринтное издание. Владикавказ, 1992. Вып. 1. 714 с.

5. Цагаева А. Дз. Топонимия Северной Осетии. Владикавказ: Ир, 2010. 622 с.

6. Длужневская Г. В. Археологические исследования в Европейской части России и на Кавказе в 1859-1919 гг. (по документам Научного архива Института истории материальной культуры РАН). СПб.: ЛЕМА, 2014. 218 с.

7. Кокиев Г. А. Склеповые сооружения горной Осетии: Историко-этнологический очерк. Владикавказ: Растдзинад, 1928. 74 с.

8. Материалы экспедиции по памятникам старины, собранные членом экспедиции архитектором-художником В. Лакисовым со 2 сентября по 17 октября 1945 г. в Махчешском районе СОАССР // Научный архив Северо-Осетинского института социальных и гуманитарных исследований. Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. № 8.

9. Крупнов Е. И. Северо-Кавказская археологическая экспедиция. Краткие сообщения Института археологии. 1947. № XVII. С. 99-104.

10. Крупнов Е. И. Древняя история и культура Кабарды. М.: Наука, 1957. 176 с.

11. Тменов В. Х. Средневековые историко-архитектурные памятники Северной Осетии. Орджоникидзе: Ир, 1984. 343 с.

12. Мошинский А. П. Древности горной Дигории. М.: ГИМ, 2006. 208 с.

13. Алексеева Е. П. Археологические памятники Карачаево-Черкессии. М.: Восточная литература, 1992. 216 с.

14. Биджиев Х. Х. Археологические раскопки в Горном Карачае. Археологические открытия. 1969. С. 127-128.

15. Биджиев Х. Х., Шаманов И. М. Раскопки в Карачае. Археологические открытия. 1970. С. 131-132.

16. Мизиев И. М. Балкарцы и карачаевцы в памятниках истории. История Балкарии и Карачая в трудах Исмаила Мизиева. В 3 т. Т. I. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2010. Т. 1. 472 с.

17. Багаев М.Х. Раскопки позднесредневекового могильника у с. Автуры. Археология и вопросы социальной истории Северного Кавказа. Грозный, 1984. С.105-111.

18. Тменов В.Х. Эпоха позднего средневековья. Формирование традиционной осетинской культуры (XIII-XVIII вв.). Археология Северной Осетии. Вып.2. Владикавказ: СОИГСИ, 2007. С. 249-408.

19. Крупнов Е.И. Средневековая Ингушетия. 2 изд. Магас: Сердало, 2008. 256 с.

20. Султанова А.М. Ювелирные украшения в женском национальном костюме карачаевцев и балкарцев. Декоративное искусство и предметно-пространственная среда. Вестник МГХПА. 2011. № 3-1. С.167-172.

21. Кузнецова А.Я. Народное искусство карачаевцев и балкарцев. Нальчик: Эльбрус, 1982. 176 с.

22. Курбатов А.В. Влияние культур Среднего Поволжья (Булгария и Золотая Орда) на кожевенное дело средневековой Руси. Труды Камской археолого-этнографической экспедиции Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Вып. XII: Средневековая археология Восточной Европы. Пермь, 2017. С. 90-113.

23. Студенецкая Е.Н. К вопросу о национальной кабардинской одежде // Ученые записки Кабардинского научно-исследовательского института. 1948. Т. IV. С. 197-238.

Volnaya (Kertseva), Galina N. – Institute of History and Archaeology of the Republic of North Ossetia-Alania (Vladikavkaz, Russia); gal.volnaya@yandex.ru.

LATE MEDIEVAL MONUMENTS IN THE MATSUTA GLADE OF THE DIGOR GORGE.

Keywords: the Digor gorge is to the later middle ages monuments.

The material culture of the late middle ages of the Digor gorge in North Ossetia is not well studied in comparison with other periods. The article presents for the first time a complex of archaeological monuments located in The Matsuta

Glade of the Digor gorge: monuments, their location, and history of study. The purpose of the study is to consider the Matsuta Glade as a funerary and cult complex, where there are late medieval semi-underground crypts, stone boxes, menhirs, tsyrts, «nartovsky» Nykhas, settlements of the Koban and Alan periods. These monuments are revered by the local population, mentioned in the Nart epic. The article uses field research methods, the method of analysis and analogies.

The article presents the author's material of rescue excavations in 2020 of the «Ground burial ground of Matsuta I, middle ages» of the XVI-XVIII centuries in the area of the project «Construction of a paramedic and midwifery station in the village of Matsuta». The burial ground is a burial in stone boxes. In total, 75 boxes were excavated, in which the deceased lay stretched out on their backs with their heads facing West with latitude deviations. Some early burials are accompanied by a cremation ceremony. The funeral rite finds analogies in the mountainous Balkaria. The funeral rite is characterized by the absence of ceramic dishes in the burials.

A funeral feast with cremation and a large amount of fragmented pottery, most likely of local production, was built over the early burials of the burial ground. The grave goods are rather poor and typical for mountain Caucasian culture of the late middle ages. In adult burials found clothes, shoes, belts, headwear, belts; women's jewelry; the men's knives, whetstones. In most children's burials, only chicken eggs are found to the left of the head, or there is no burial equipment at all. Children's funerals account for almost 50% of the total number of excavated graves.

References

1. Volnaya, G.N. *Antropomorfnye stely Severnogo Kavkaza pozdnego srednevekov'ya – novogo vremeni v kontekste arkheologii* [Anthropomorphic stelae of the North Caucasus of the late middle ages-modern times in the context of archeology]. *Izvestiya nauchno-pedagogicheskoi Kavkazovedcheskoi Shkoly V.B. Vinogradova* [News of the scientific and pedagogical Kavkazovedcheskoy School of V.B. Vinogradov], iss. 10. Armavir; Stavropol, Design Studio B, 2018, pp. 174-185.
2. Miller, V.F. *V gorakh Osetii* [In the mountains of Ossetia]. *Russkaya Mysl'* [Russian Thought]. 1881, no. IX, pp. 55-105.
3. Volnaya, G. N. *Otrazhenie syuzhetov nartovskogo eposa v pochitanii ob»ektov prirodnogo i kul'turnogo naslediya Severnoi Osetii* [Reflection of the stories of the nartovsky epic in the veneration of objects of natural and cultural heritage of North Ossetia]. *Nartovedenie v XXI veke:*

sovremennyye paradigmy i interpretatsii [Nartovedenie in the XXI century: modern paradigms and interpretations]. Vol.V. Vladikavkaz, North Ossetian Institute of Humanities and Social Studies of the Vladikavkaz Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 2019, pp. 203-212.

4. Miller, V.F. *Osetinskie etyudy* [Ossetian etudes]. *Uchenye zapiski imperatorskogo Moskovskogo universiteta* [Scientific notes of the Imperial Moscow University], Moscow, 1881. Reprint edition. Vladikavkaz, 1992, iss. 1. 714 p.

5. Tsagaeva, A.Dz. *Toponimiya Severnoi Osetii* [The Toponymy Of Northern Ossetia]. Vladikavkaz, Ir, 2010. 622 p.

6. Dluzhnevskaya, G.V. *Arkheologicheskie issledovaniya v Evropeiskoi chasti Rossii i na Kavkaze v 1859-1919 gg. (po dokumentam Nauchnogo arkhiva Instituta istorii material'noi kul'tury RAN)* [Archaeological research in the European part of Russia and the Caucasus in 1859-1919 (according to the documents of the Scientific archive of the Institute of history of material culture of the Russian Academy of Sciences)]. St. Petersburg, LEMA, 2014. 218 p.

7. Kokiev, G.A. *Sklepovye sooruzheniya gornoj Osetii: Istoriko-etnologicheskii ocherk* [Crypt structures of mountain Ossetia: Historical and ethnological essay]. Vladikavkaz, Rastdzinad, 1928. 74 p.

8. *Materialy ekspeditsii po pamyatnikam stariny, sobrannye chlenom ekspeditsii arkhitektorom-khudozhnikom V. Lakisovym so 2 sentyabrya po 17 oktyabrya 1945g. v Makhcheskom raione SOASSR* [Materials of the expedition on ancient monuments collected by a member of the expedition, architect-artist V. Lakisov from September 2 to October 17, 1945 in the Historical district of North Ossetian Autonomous Soviet socialist Republic]. *Nauchnyi arkhiv Severo-Osetinskogo instituta sotsial'nykh i gumanitarnykh issledovaniy* [Scientific archive of the North Ossetian Institute of Humanities and Social Studies of the Vladikavkaz Scientific Center of the Russian Academy of Sciences]. Fund 6. Inventory 1. Storage unit №. 8.

9. Krupnov, E.I. *Severo-Kavkazskaya arkheologicheskaya ekspeditsiya* [The North-Caucasian archaeological expedition]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii* [Short messages of Institute of archeology]. 1947, no. XVII, pp. 99-104.

10. Krupnov, E. I. *Drevnyaya istoriya i kul'tura Kabarda* [Ancient history and culture of Kabarda]. Moscow, Nauka, 1957. 176 p.
11. Tmenov, V. Kh. *Srednevekovye istoriko-arkhitekturnye pamyatniki Severnoi Osetii* [Medieval historical and architectural monuments of North Ossetia]. Ordzhonikidze, Ir, 1984. 343 p.
12. Moshinsky, A. P. *Drevnosti gornoj Digorii* [Antiquities of mountain Digoria]. Moscow, State historical museum, 2006. 208 p.
13. Alekseeva, E. P. *Arkheologicheskie pamyatniki Karachaevo-Cherkessii* [Archaeological monuments of Karachay-Cherkessia]. Moscow, Vostochnaya literatura, 1992. 216 p.
14. Bidjiev, X. X. *Arkheologicheskie raskopki v Gornom Karachae* [Archaeological excavations in the Mountain Karachai]. *Arkheologicheskie otkrytiya* [Archaeological discoveries]. 1969, pp. 127-128.
15. Bidjiev, X. X., Shamanov, I. M. *Raskopki v Karachae* [Excavations in Karachi]. *Arkheologicheskie otkrytiya* [Archaeological discovery]. 1970, pp. 131-132.
16. Miziev, I. M. *Balkartsy i karachaevtsy v pamyatnikakh istorii* [Balkars and Karachays in historical monuments]. *Istoriya Balkarii i Karachaya v trudakh Ismaila Mizieva* [History of Balkaria and Karachay in the works of Ismail Miziev]. In 3 vols. Nalchik, Publishing house Of M. and V. Kotlyarov, 2010, vol. 1. 472 p.
17. Bagaev, M. H. *Raskopki pozdnesrednevekovogo mogil'nika u s. Avtury* [Excavations of a late medieval burial ground near the village of Avtura]. *Arkheologiya i voprosy sotsial'noi istorii Severnogo Kavkaza* [Archeology and questions of the social history of the North Caucasus]. Grozny, 1984, pp. 105-111.
18. Tmenov, V. H. *Epokha pozdnego srednevekov'ya. Formirovanie traditsionnoi osetinskoj kul'tury (XIII-XVIII vv.)* [The Epoch of the late middle ages. Formation of traditional Ossetian culture (XIII-XVIII centuries)]. *Arkheologiya Severnoi Osetii* [Archeology of North Ossetia]. Vladikavkaz, North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies, 2007, vol. 2, pp. 249-408.
19. Krupnov, E. I. *Srednevekovaya Ingushetiya* [Medieval Ingushetia]. 2 publication. Magas, Serdalo, 2008. 256 p.
20. Sultanova, A. M. *Yuvelirnye ukrasheniya v zhenskom natsional'nom*

kostyume karachaevtsev i balkartsev. Dekorativnoe iskusstvo i predmetno-prostranstvennaya sreda [Jewelry in the women's national costume of Karachay and Balkars. Decorative art and the subject-spatial environment]. *Vestnik Moskovskaya gosudarstvennaya khudozhestvenno-promyshlennaya akademiya im. S. G. Stroganova* [Bulletin of the Stroganov Moscow State Academy of Art and Industry]. 2011, no. 3-1, pp. 167-172.

21. Kuznetsova, A. Ya. *Narodnoe iskusstvo karachaevtsev i balkartsev* [Folk art of Karachay and Balkars]. Nalchik, Elbrus, 1982. 176 p.

22. Kurbatov, A.V. *Vliyanie kul'tur Srednego Povolzh'ya (Bulgariya i Zolotaya Orda) na kozhevennoe delo srednevekovoi Rusi* [Influence of cultures of the Middle Volga region (Bulgaria and the Golden Horde) on the leather business of medieval Russia]. *Trudy Kamskoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii Permskogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta* [Proceedings of the Proceedings of the Kama archaeological and ethnographic expedition of the Perm state humanitarian and pedagogical University.]. Iss. XII, Medieval archeology of Eastern Europe. Perm, 2017, pp. 90-113.

23. Studenetskaya, E.N. *K voprosu o natsional'noi kabardinskoj odezhde* [On the issue of national Kabardian clothing]. *Uchenye zapiski Kabardinskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta* [Scientific notes of the Kabardian research Institute], iss. IV. 1948, pp. 197-238.